

- Cagnat R. 1911.** *Inscriptiones Graecae ad res Romanes pertinentes*. T. I. Paris.
- Cojocar V. 2004.** *Populatia zonei nordice și nord-vestice a Pontului Euxin în secolele VI – I d. Chr. Pe baza izvoarelor epigrafice*. Iași.
- Corpus Inscriptionum Latinarum. 1873.** Ed. T. Mommsen. T.III. Berlin.
- Guthrie M. 1802.** *A Tour, performed in the years 1795-1796, through the Taurida, or Crimea, the ancient Kingdom of Bosphorus the once-powerful countries of the North of the Euxine etc.* London.
- Hupe J. 2006.** *Die olbische Achilleus-Verehrung in die Römischen Keiserzeit* // JA. 94.
- Karyshkovskij P.O., Kleyma I.B. 1994.** *The City of Tyras. A Historical and Archaeological Essay*. Odessa.
- Kiezeritzky G. Watzinger C. 1909.** *Griechische Grabreliefs aus Südrussland*. Berlin.
- Köppen P. 1823.** *Altertümer am Nordgestade des Pontus*. Wien.
- Mielczarek M. 1997.** *Polish interest in the Ancient Northern Black Sea Coast an outline* // Nikonion. *An Ancient City on the Lower Dniester*. Torun.
- Mielczarek M., Sekerskaya N.M. 1999.** *Polish-Ukrainian archaeological excavations at Nikonion* // *Centenary of Mediterranean Archaeology at the Jagellonian University 1897-1997*. Cracow.
- Ochotnikov S.B. 1997.** *Tyras i Nikonion. Swiat Kolonii Greckich u ujsia Dniestru*. Torun.
- Pallas P.S. 1799-1801.** *Bemerkungen und eine Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischer Reiches in den Jahren 1793-1794*. Bd.1-2. Leipzig.
- Potocki Jean. 1795.** *Fragments historiques et geografiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves*. Brunswick.
- Potocki Jean. 1796.** *Memoire sur in Nouvea Periple du Pont Enxin etc.* Vienne.
- Potocki Jean. 1804.** *Histoire ancienne du gouvernement de Cherson. Pour servir de suite de l'histoire primitive des Peuples de la Russie*. SPb.
- Raoul-Rochette D. 1822.** *Antiquites Grecques du Bosphore-Cimmerien. Publices et expliquees*. Paris.
- Vinogradov Ju.G. 1997.** *Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigrafik des Schwarzenmeerraumes*. Meinz.
- Waxel L. 1803.** *Sammlung einiger Alterthümer an den Küsten des Schwarzen Meeres, innerhalb der Grenzen des Russischen Reichs entdeckt in den Jahren 1797 und 1798 nach den Originalen gezeichnet*. Berlin.
- Waxel L. 1803a.** *Requel de quelques antiquités, trouvées sur les bords de la Mer Noire, appartenans l'empire de Russie, dessinees d'apres les originaux en 1797 et 1798*. Berlin.

SUMMARY

The basic stages of forming and studying of epigraphical lapidary collection of OAM are examined in the article. This largest collection of Ukraine counts about 230 copies of inscriptions. The inscriptions were found in the ancient cities of the North and Western Black Sea coast, in the territory of actual Italy, Greece, on the islands of the Aegean Sea etc.

The forming of this unique collection began about 200 years ago and the process goes on.

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ НАУКИ О КЛАССИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЯХ ЮГА РОССИИ (XVIII — середина XIX вв.)¹

Изучение истории науки в современную эпоху возможно только на базе широкого и углубленного анализа подлинных фактов ее истории, немыслимого без изучения архивного наследия предшественников. Без привлечения и критического анализа архивных материалов адекватная история любой науки на уровне знаний, сложившемся к началу третьего тысячелетия, не может быть написана вообще. Недостаточное внимание или даже пренебрежение большинства археологов к истории собственной науки демонстрирует тот факт, что до сих пор не появилось ни одного монографического исследования об истории создания и деятельности центрального государственного органа дореволюционной российской археологии — Археологической комиссии (1859–1919), входившей в структуру Министерства Императорского Двора. Археологами оказался просто забыт и, таким образом, вычеркнут из исторической памяти потомков целый ряд исследователей, занимавшихся классическими древностями Северного Причерноморья. На базе изучения обширного корпуса архивных источников, научной литературы, общественно-политической периодики XVIII — середины XIX в. я попыталась представить обобщенную характеристику становления национальной школы античной археологии, эпиграфики, нумизматики Северного Причерноморья в Российской империи за полтора века (Тункина 2002; Тункина 2003).

Первый этап знакомства с древностями Северного Причерноморья (1725-1802) фактически полностью связан с деятельностью Петербургской Ака-

демии наук (основана в 1724 г.) и любопытствующих путешественников века Просвещения. Этот этап условно можно разделить на два хронологических отрезка, рубежом которых является 1774 г. — выход России на побережье Черного моря. В самом конце петровских реформ были сформированы социокультурные основы для развития под жестким государственным контролем «чистой» фундаментальной науки и соответствующих ей общественных институтов — Академии наук, университетов, музеев. Становление в России европейской науки, ориентированной на данные научного факта и утверждение индуктивной методологии познания, отразилось и на зарождавшейся науке о древностях, памятники которой привлекли внимание академических ученых и образованных чиновников, главным образом, иностранцев на русской службе. В России XVIII в. гуманитарные науки практически еще не дифференцировались на отдельные дисциплины. Ученые того времени были настоящими энциклопедистами, они свободно применяли свои знания в самых разных научных областях. За исключением немногих ученых Петербургской Академии наук, в стране еще не сложился круг специалистов, профессионально занимавшихся изучением материальных остатков античной эпохи. Исследователи ограничивались изучением нарративной традиции, небольшого числа известных тогда античных монет и других «антиквитетов», аккумулировавшихся в столичных государственных и частных собраниях.

Классицизм и неоклассицизм XVIII в., утвердившие античность нормативным идеалом истории и искусства, способствовали формированию в среде российского образованного общества антиквариев,

¹ Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 08-01-91113а/У.

воспитанных в традициях преклонения перед «антиками». Именно в это время началось создание фонда древностей России. Кабинеты редкостей универсального характера XVIII в. отразили стремительное развитие русской науки вширь, где наряду с естественноисторическими образцами собирались памятники этнографии, эпиграфики, нумизматики, археологии и т. п. В частные коллекции и первые музеи — Кунсткамеру (создана Петром Великим в 1714 г.) и Эрмитаж (создан Екатериной II в 1764 г.) — поступали античные импорты — случайные находки и артефакты из грабительских раскопок скифских и сарматских курганов Подонья и Приазовья. Наиболее ярким из комплексов, попавших в поле зрения науки, следует признать раннескифский Мельгуновский клад, обнаруженный в 1763 г. генерал-поручиком А.П. Мельгуновым при раскопках Литого кургана и изученный акад. Г.Ф. Миллером (Тункина 2006).

С присоединением к России Северного Причерноморья русская наука эпохи энциклопедизма получила новый объект исследования в виде остатков предметного мира античной эпохи. Просвещенные слои русского общества получили возможность знакомства с античными памятниками не в Средиземноморье, а на юге России. С конца XVIII в. в Тавриду началось настоящее паломничество путешественников, ставшее особенно модным после посещения Новороссийского края Екатериной II (1787). Преклонение перед античностью проявилось и в переименованиях целого ряда турецких и татарских городов и крепостей на эллинский лад. На картах новоприобретенных земель появились Херсон (1778), Ольвиополь (1781), Евпатория, Левкополь, Севастополь, Симферополь, Фанагория, Феодосия (1784), Овидиополь (1792), Одесса (1795). Параллельно с налаживанием системы управления обширным, но малонаселенным степным краем началось широкомасштабное комплексное естественнонаучное и географическое изучение его территории.

Существенную часть землеописания составляла топографическая съемка археологических памятников в контексте определенного природного и антропогенного ландшафта, когда *пространственные объекты природы и старины картографически зафиксированы как единое целое*. С именем светлейшего князя Г.А. Потемкина (1733-1791) связаны распоряжения: снять в Крыму все «виды и старинные здания» (1777); описать Новороссийские земли и Азовскую губернию с планами «всех важнейших мест» (1782); составить естественнонаучное описание Тавриды и «обозрение Екатеринославского наместничества» (1783); описать «дороги и места Крымского полуострова с приобщением исторических примечаний», каждое из которых иллюстрировалось «планами и фасадами» (1784). Одновременно велись работы по Генеральному межеванию (1766-1843) и составлению карт Таврической области военными топографами Генерального штаба. Последним было поручено сделать описание всех городов и крепостей (1784), в том числе Херсонеса и Керчи. Тогда же были составлены рукописные карты с попытками локализации античных городов, известных по письменным источникам, выполнены планы развалин Херсонеса, зафиксировавшие систему обороны города, фундаменты христианских храмов, видимых на поверхности земли. В декабре 1786 г. Г.А. Потемкин предписал Таврическому губернатору В.В. Каховскому разыскивать древние монеты. Таким образом, первые сведения о древностях Крыма собирались по инициативе военной и гражданской администрации Новороссийского края.

В XVIII в. Петербургской Академией, в период проведения знаменитых «ученых путешествий» в Сибирь, была выработана комплексная программа исследовательских задач, позже с успехом примененная и в Причерноморье. Эта программа была направлена на изучение памятников материальной культуры в целом, независимо от культурно-исто-

рической принадлежности артефактов, и базировалась на осознании значения древностей как объективных источников сведений о прошлом. Ученые-энциклопедисты Академии наук проводили точные, детальные описания находок, научились идентифицировать орудия труда и кости животных и даже пытались классифицировать во времени относительно друг друга типы памятников. Особое внимание обращалось на методику исследований — необходимость тотальной фиксации всех объектов (независимо от их «понятности» для исследователя и «важности» для науки того времени), составление рисунков, ландкарт, словарей местных терминов, привлечение этнографических параллелей, сопоставительного анализа письменных и археологических источников. Детальное изложение академической программы представлено в инструкции академика Г.Ф. Миллера адъютанту И.Э. Фишеру (1740). По убеждению Г.В. Вернадского, этот документ является «основным памятником методики русских исторических исследований» того времени. Применявшийся учеными междисциплинарный, комплексный историко-географический («экосистемный») подход, нашедший свое отражение как в описаниях, так и картографических материалах того времени, привел к результатам, не утратившим своего научного значения до сих пор. Наиболее адекватно эта методика реализована в трудах обладавших «острым глазом» ученых-натуралистов (экспедиции И.А. Гюльденштедта (1773-1775), В.Ф. Зуева (1781-1782), К.И. Габлица (1783-1796), П.С. Палласа (1793-1794) и др.), сумевших детально описать и графически зафиксировать руины античных оборонительных сооружений, городов, поселений, систем землепользования и некрополей, которые еще не были затронуты раскопками.

Забытым исследователем древностей оказался натуралист барон Ф.К. Маршал фон Биберштейн (1768-1826), оставивший анонимную статью об эпиграфических памятниках Европейского и Азиатского

Боспора и неизданное исследование о видимых на поверхности земли монументальных сооружениях Восточного Крыма и Тамани (1796), иллюстрированное составленной им первой археологической картой Таманского полуострова с попыткой локализации античных городов по Страбону (Тункина 2002: 48-52, 564-570; 2003). Аналогичные работы К.И. Габлица (1752-1821) и П.С. Палласа (1741-1811) зафиксировали следы уникального по сохранности древнего культурного ландшафта на Гераклеюском полуострове Крыма. По распоряжению К.И. Габлица была выполнена топографическая съемка Гераклеюского полуострова с нанесением на нее видимой на поверхности сети древних дорог («улиц») и развалин построек, являющаяся важнейшим документом для изучения земледелия античного Херсонеса Таврического. В Российском государственном военно-историческом архиве мною обнаружен подлинник этого документа, ранее считавшийся утраченным, — «План развалинам древнего Херсона. С показанием бывших прямых улиц земляною и кварталов красною краскою означенных. Сочинен 1786 года. Чертил топограф 2 класса Пепелев», который был поднесен императрице Екатерине II (в правой верхней части плана имеется подпись-автограф К.И. Габлица). Рукописный план выполнен с высокой точностью в масштабе 1:21000; охваченная им площадь съемки более 100 кв. км. Он является первой в европейской науке тематической археолого-топографической картой, на которой отображены остатки античной межевой системы (кадастра) на аграрной территории Херсонеса Таврического — периферийного греческого полиса. Карта 1786 г. является прекрасным образцом научной документации «блестящего века Екатерины», в ней видна не только рука очень квалифицированного топографа, но и отражение «экосистемного» подхода к ландшафту инициатора съемки Габлица. Гравюра с плана Габлица-Пепелева с ошибочной атрибуцией А.Л. Бертье-Делагарда (1842-1920),

приписавшего съемку Ананию Струкову, была републикована В.Д. Блаватским (Блаватский 1953: 38, рис. 13) и с тех пор прочно вошла в мировую антиковедческую литературу. План послужил ученым незаменимым источником для восстановления общего количества клеров, размежеванных по прямоугольной сетке на Герacleйском полуострове Крыма (Щеглов, Тункина 1996: 27-29).

Составленные в конце XVIII в. описания и планы имеют значительную историко-археологическую ценность как единственные документы о частично разрушенных или несуществующих ныне памятниках, которые могут быть обнаружены случайно или с помощью аэрофотосъемки. К «экосистемному» подходу, но на новом уровне развития науки, мировое антиковедение вернулось лишь со второй половины XX века в рамках одного из наиболее развивающихся сейчас направлений, которое изучает пространственную организацию (структуру) хоры греческого полиса. Работы ученых-энциклопедистов Академии наук, обследовавших территорию России, явились, по сути, первыми комплексными региональными исследованиями, обращение к которым как к ценнейшему первоисточнику актуально до сих пор.

Однако выработка собственно «полевых археологических практик» в конце XVIII в. находилась на зачаточном уровне. Раскопки в Причерноморье носили эпизодический характер, открытия, как правило, совершались случайно при проведении строительных и фортификационных работ, а поиски древностей преследовали чисто антикварные цели. Основными «раскопщиками» и коллекционерами артефактов оставались военные — А.П. Мельгунов (Литой курган, 1763), Ван дер Вейде (некрополь Фанагории, не позднее 1793), Ф.П. Деволан (Овидиополь, 1795) и др. Лишь незначительная часть полевых работ документирована — увлеченные античностью военные направляли рапорты в столицу и специальные доклады о находках в научные общества Европы.

Таким образом, на начальном этапе произошло знакомство русского общества с античной проблематикой и с подлинными антиками, ставшими доступными для изучения после присоединения Северного Причерноморья к Российской империи. В XVIII в. получение научных результатов и их интерпретация осуществлялись не только по правилам «нормальной науки», внутри научного сообщества (Академии наук, университетов в Петербурге и Москве), но и вне его. В век Просвещения археология фактически выросла из «географической практики» как составная часть землеописания. Землеписанием (и в его контексте археологическими, картографическими и топографическими исследованиями) в самых различных целях занимались ученые-натуралисты, морские офицеры, военные инженеры, государственные деятели, дипломаты, землестроители, миссионеры и колонисты. Наиболее значительное достижение этого подхода — выработка «экосистемной» методики изучения недвижимых памятников античности в контексте антропогенного и природного ландшафта. Одновременно наука о древностях рассматривалась как часть музейно-антикварных изысканий для иллюстрации свидетельств античных авторов, и, в согласии с эстетикой И. Винкельмана, выполняла функции технической экспертизы антиковедческого искусствознания.

Второй этап становления русской науки о классических древностях Северного Причерноморья (1803-1838) характеризуется процессом ее самоосознания как специальной научной дисциплины. В эти годы в России образовалось два антиковедческих центра — в Санкт-Петербурге и Новороссии (Одесса и Керчь). В северной столице Академия наук потеряла монополизм в изучении античности. Специалисты в области изучения древностей появились в Академии художеств, Публичной библиотеке, Эрмитаже, университете. В Академии наук в 1803 г. был принят новый регламент, включивший историю в круг изучаемых

ею дисциплин. Академическое антиковедение, представленное сугубо кабинетными учеными, основное внимание уделяло изучению не собственно археологических, а письменных, нумизматических и эпиграфических источников. С изучением средневековой традиции по истории Византии и Древней Руси связаны неизданные исследования акад. Ф.И. Круга (1764-1844) об о-ве Фидониси (в античное время Левка, ныне Змеиный), который прославился общегреческим святилищем Ахилла. Акад. Х.Ф. Грефе (1780-1851), являвшийся профессором Петербургского университета и хранителем монет академического Минц-кабинета и Эрмитажа, известен своими эпиграфическими штудиями. Первый крупный исследователь античности появился в Академии наук только с избранием в ее члены хранителя Эрмитажа Е.Е. Кёлера (1765-1838), который в 1804 и 1821 гг. совершил две специальные археологические экспедиции по Новороссийскому краю. Он провел раскопки на Маячном полуострове близ Севастополя (1804) и в Ольвии (1821). По докладу ученого было принято утвержденное императором Александром I распоряжение по Министерству внутренних дел, запрещающее путешественникам собирать древности на казенных землях Тавриды (1805). Путешествие Кёлера 1804 г. привело к замечательному открытию — находке памятника боспорской царицы Комосарии (Камасарии), имя которой было ранее неизвестно из античной письменной традиции. Из надписи на пьедестале (КБН 1015) впервые стала известна титулатура царей Боспора. Этому памятнику Кёлер посвятил специальное исследование (Koehler 1805), заложившее основы для изучения древностей Боспорского царства. Кёлеру принадлежит первая публикация жемчужины эпиграфики Ольвии — декрета в честь Протогена (Koehler 1822).

Вернувшись из экспедиции в 1821 г., Е.Е. Кёлер доказывал, какой огромный ущерб науке наносят грабительские раскопки, проводящиеся без разрешения

властей. Академик предлагал запретить раскопки до тех пор, пока не будут найдены способы производить их с «пользою для науки». На взгляд ученого, следовало поручить исследования курганов в Крыму двум офицерам: сначала для производства работ близ Севастополя, затем — в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове, чтобы все без исключения найденные древности отсылались в Министерство народного просвещения, в ведении которого с 1802 г. находилась Академия наук. Это предложение не было случайным, так как именно военные, а не ученые стали первыми раскопщиками археологических памятников юга России. Полевые работы носили чисто антикварный характер и были призваны удовлетворять любопытство военных и чиновников, стремившихся найти памятники монументальной греческой архитектуры и эффектные антики — золотые украшения, древнегреческую скульптуру, расписную керамику, геммы, монеты и т.п. При этом красивые или ценные вещи вырывались из археологического контекста, а массовому археологическому материалу не придавалось должного значения. Большинство открытий совершалось случайно, находки очень редко попадали в музеи, а чаще расходились по рукам коллекционеров, при этом, как правило, навсегда исчезая из поля зрения науки. Среди них следует упомянуть раскопки античных некрополей: полковником Я.Л. Парокья — курганов близ ст. Тамань (1817-1818); начальником гребной транспортной флотилии Н.Ю. Патиниоти (Патиньоти) — двух курганов близ Керчи (1820-1821), один из которых по набору погребального инвентаря оказался «царским» (Blagomberg 1822b; Тункина 2002: 547-552); подполковником Гринфельдом — курганов в окрестностях Анапы (1837) и др. Основная задача раскопок плантера (садовода) Черноморского флота Карла Крузе на городище Херсонеса-Корсуня состояла в открытии архитектуры древних зданий. Методом выемки грунта, без фиксации, Крузе открыл видимые на поверхности земли руины трех храмов

византийской эпохи и провел работы на островке св. Климента близ Севастополя (1827, 1833). Показательны раскопки святилищ Ахилла, проводившихся военными гидрографами Черноморского флота капитан-лейтенантом Н.Д. Критским (1823, о-в Фидониси; 1824, Тендровская коса) и мичманом К.М. Навроцким (1824, Тендровская коса). Святилище на Тендере имело форму земляного холма в виде «опрокинутого чайного блюдечка» и раскапывалось на снос, но не до материка. Обнаружив мраморы и надписи, военные моряки просеивали через решето вскрытую землю, чтобы не пропустить монеты и граффити. Этот памятник, который не только считался утраченным, но и само существование которого рядом исследователей подвергалось сомнению, благодаря дошедшим до нас рисункам и спискам монет, практически заново введено в научный оборот (Тункина 2002: 452-472, 627-630, 643-644; Tunkina 2006; 2007).

В трудах, написанных по итогам археологической экспедиции 1821 г., академик Кёлер опубликовал значительный объем неизвестных ранее источников. Ряд его работ посвящен анализу нарративной традиции о северном побережье Понта и вопросам исторической топографии Причерноморья. Кёлер, как и большинство профессиональных ученых-антиквариев своего времени, понимал задачи науки о древностях в русле эстетики И. Винкельмана. Петербургский академик издавал, главным образом, новый эпиграфический и нумизматический материал, а также памятники скульптуры и глиптики, и здесь его заслуги бесспорны. Он «положил основание изучению древностей, находимых на юге России, и поднял его на высокую степень строгой, научной отчетливости», — писал о Кёлере профессор Московского университета П.М. Леонтьев (Леонтьев 1851: 72). Однако, как красноречиво свидетельствуют опубликованные труды Кёлера и неизданный дневник его поездки по Новороссии 1821 г., в строительных остатках античного времени академик разбирался крайне слабо.

Зачастую, в отличие от естествоиспытателей К.И. Габлица и П.С. Палласа, специально древностями не занимавшихся и описавших те же места за тридцать лет до него, Кёлер не мог правильно оценить и интерпретировать конкретную археологическую ситуацию недвижимых объектов, видимых на поверхности земли. Кёлер явно пренебрегал познавательными возможностями собственно археологических источников и недооценивал их. Так, об осмотренных им руинах Пантикапея он отозвался крайне скептически: «За исключением двух-трех разрушенных архитектурных памятников, ничего не осталось от этого города» (Koehler 1826: 771). Этот приговор был вынесен столичным антикварием в первой четверти XIX в., когда большинство городищ Европейского Боспора еще не было разобрано на камень, и планы укреплений и отдельных зданий хорошо читались на поверхности земли. В те же годы одесский антикварий И.А. Стемпковский, напротив, призывал немедленно обратить внимание ученых на «главнейший пункт на европейском берегу пролива» — столицу Боспорского царства Пантикапей (Керчь), причем не только на окрестные курганы, но и на сам город, особенно его цитадель, и снять ее подробный план, а также графически зафиксировать остатки городищ и валов Восточного Крыма (Стемпковский 1827: 65-70).

Противовесом петербургской академической науке стали неформальные объединения антиквариев — кружки специалистов, спонтанно возникшие в разных губерниях страны. Одной из тем занятий столичных историко-археологических кружков (кружки А.И. Мусина-Пушкина, Н.П. Румянцева, А.Н. Оленина и др.), историко-литературных и научно-исторических обществ (таких как Общество истории и древностей российских при Московском университете, Вольное общество любителей российской словесности и др.) являлась история России и расширенно понимаемая наука о древностях, включающая археографию,

эпиграфику, нумизматику и археологию. Неформальные общественные научные организации объединяли как историков-профессионалов, так и любителей древностей, меценатов, коллекционеров, военных, представителей аристократии и местной бюрократической верхушки. Очевидно, что на начальных этапах развития науки преобладание дилетантов в подобных структурах неизбежно в виду отсутствия еще только формирующегося корпуса собственно научных знаний и принципов. Историей и древностями юга России заинтересовались И.М. Муравьев-Апостол, Е.А. Болховитинов, В.В. Капнист, С.В. Капнист, Н.И. Гнедич, А.С. Грибоедов, П.П. Свиньин, К.Н. Батюшков, И.Г.М. Штрэндман, А.А. Писарев и др.

Крупным исследователем древностей юга России по праву считается русский немец П.И. Кёппен (1793-1864), попеременно живший в Петербурге и Крыму. Результаты его первых поездок в Новороссию нашли отражение в рукописи неопубликованной монографии об Ольвии и двух брошюрах, вышедших в Вене (Коерпер 1823а, б). Одним из основных трудов Кёппена по праву считается «Крымский сборник» (Кёппен 1837), содержащий характеристику исторических памятников и фиксацию топонимов Тавриды. В архивных документах Кёппена сохранились дневники поездок и материалы к научным трудам по археологии юга России, лишь частично введенные в научный оборот. Другой путешественник, швейцарский натуралист Ф.Дюбуа де Монпере (1798-1850) совершил поездку в Крым и на Кавказ (1832-1834) и издал шеститомное описание своего путешествия, иллюстрированное роскошным атласом (Dubois de Montpéroux 1839-1843а, б). Значительный объем информации содержат приобретенные Императорской Академией наук (1903) и хранящиеся в петербургском академическом архиве его рукописные материалы. Наибольшую ценность представляют глазомерные рисунки и планы в дневниках Ф. Дюбуа де Монпере, не ис-

каженные последующим литографированием или гравированием, лишь частично использованные в опубликованных томах и атласе. Эти архивные документы ждут своих исследователей.

Неформальный кружок антиквариев возник и в Новороссийском крае, объединив в своих рядах любителей древностей из Одессы (И.А. Стемпковский, И.П. Бларамберг, А.Ф. Панагиодор-Николу, А.Я. Фабр, Э.В. Тетбу де Мариньи, А.Ф. Спада / A.F. Spada, А.И. Лёвшин, В.Г. Тепляков и др.) и Керчи (П.А. Дюбрюкс, Р. Скасси, А. Дигби, А.Б. Ашик, Д.В. Карейша и др.). Последние два «незримых колледжа» следует считать единым южнорусским археологическим центром, дальнейшее развитие которого к началу XX в. породило чрезвычайно плодородную для русской науки научную среду. Антикварию Новороссии посвятили десятилетия конкретным историко-археологическим изысканиям под патронажем меценатов южнорусской науки — генерал-губернаторов Э.О. Ришелье, А.Ф. Ланжерона, М.С. Воронцова, главных командиров Черноморского флота и портов И.И. де Траверсе и А.С. Грейга. Ведущую роль в Новороссийском кружке играли лица, превосходившие по уровню интеллектуального и научного развития обычных дилетантов (в данном случае без пренебрежительного оттенка) и выросшие в серьезных исследователей. Это член-корреспондент Парижской Академии надписей и изящной словесности И.А. Стемпковский (1788-1932), член-корреспондент Берлинской академии наук И.П. Бларамберг (1772-1831) и зачинатель керченской полевой археологии Поль Дюбрюкс (1770-1835). Дилетанты начали обследования городищ и раскопки курганов с научными целями, осознали необходимость документирования раскопок и важность топографической фиксации памятников. Польским археологом графом И.О. Потоцким, затем П. Дюбрюксом и со временем А.Б. Ашиком (1801-1854) была выработана методика раскопок курганов на снос до материка. Антикварию юга

России вступили в активные контакты с западными исследователями, перенимая у них методы научной критики источников (Д. Рауль-Рошетт, А. Бёк, Ф. Дюбуа де Монпере и др.), издали первые научные труды дискуссионного характера, получившие широкий отклик как в исследованиях ученых, так и на страницах русской периодики, а также определенный научный резонанс за рубежом.

Показательно, что именно в среде провинциальных, а не столичных антиквариев была выработана первая исследовательская программа русской науки о классических древностях Северного Причерноморья. Программа была сформулирована И.А. Стемпковским в записке М.С. Воронцову «Note sur les recherches d'antiquités qu'il y aurait à faire dans la Russie Méridionale» (1823) и в расширенном виде опубликована на русском языке (Стемпковский 1827б). В этой работе впервые были названы как стратегические цели, так и тактические задачи развития науки: составление сводов нарративных источников по Причерноморью; полных корпусов эпиграфических, нумизматических и археологических источников; тотальная фиксация и изучение всех без исключения памятников, прежде всего городищ; проведение раскопок с научными целями; принятие мер по консервации, реставрации и охране древностей; составление планов и обмерных чертежей архитектурно-археологических остатков; картографирование памятников. По мысли автора, антикварию должны объединиться в научное общество с единой программой полевых и кабинетных исследований, способствовать созданию сети специализированных археологических музеев. Согласно И.А. Стемпковскому, объектами исследования науки должны стать все без исключения древности, независимо от их материальной и художественной ценности: «Мы должны тщательно собирать и хранить каждый отрывок древних рукописей, надписей на камнях, каждую медаль, каждый обломок статуй, барельефов: самая незначительная вещь может иног-

да объяснить древние предания и разогнать мрак, их покрывающий».

В первой трети XIX в. правительством России, местными военными и гражданскими властями был принят ряд мер по охране древностей (1805, 1822, 1824, 1826, 1827, 1836, 1837 и др.). Античные памятники, добываемые с немалыми трудностями в ходе военных действий, морских и сухопутных путешествий, стали аккумуляроваться в государственных и частных музейных собраниях юга России. Осознание значимости «антиквитетов» не только как произведений древнего искусства, но и как исторических источников привело к созданию первых государственных археологических собраний на юге России: — Кабинета редкостей Черноморского депо карт в Николаеве (1803), Кабинета редкостей и Минц-кабинета Харьковского университета (1805) и Феодосийского музея древностей (1811). Если в начале столетия создавались музеи с комплексным составом экспонатов, то к концу первой четверти XIX в. сформировалось два специализированных археологических собрания, возникших в районах массовых находок античных памятников, — Одесский городской музей древностей (1825) и Керченский музей древностей (1826). Возглавил оба музея одесский антикварий И.П. Блаرامберг, собравший замечательную коллекцию античных и египетских древностей, частично понавших в Одесский музей.

Начало широкомасштабных раскопок древних некрополей в Новороссийском крае связано с открытием богатейшего склепа в кургане Куль-Оба под Керчью (1830). Под руководством И.А. Стемпковского, занявшего в 1828 г. пост керчь-еникальского градоначальника, курган был исследован П. Дюбрюксом. Это событие с полным правом называют поворотным пунктом в истории русской археологии. Оно имело значительные последствия для судеб русской классической археологии, которая с тех пор формируется, прежде всего, как археология боспорская. С тех пор правительство стало рассматривать

земли юга России как источник пополнения Эрмитажа произведениями античного искусства большой художественной и материальной ценности и начало регулярно ассигновать значительные средства на раскопки в Крыму и на Таманском полуострове. По заведенному министром Императорского двора П.М. Волконским порядку Е.Е. Кёлер и президент Академии художеств А.Н. Оленин должны были проводить научную экспертизу и изучение памятников, доставленных в Эрмитаж из Причерноморья. Систематические раскопки на средства правительства были начаты в марте 1831 года. Их проведение было поручено чиновнику канцелярии керчь-еникальского градоначальника Д.В. Карейше (1808-1878) и чиновнику Азиатского департамента Министерства иностранных дел А.Б. Ашику (1801-1854), занявшему с 1833 г., после смерти И.П. Бларамберга, пост директора Керченского музея.

На протяжении второго этапа в Северном Причерноморье местными антиквариями эмпирически вырабатывались полевые приемы раскопок поселений и могильников. От простого коллекционирования антиков и перекапывания культурного слоя с целью поиска художественных произведений античности они перешли к раскопкам с научными целями, осознали необходимость составления полевой документации, важность фиксации конструктивных особенностей остатков древних сооружений, их топографической привязки к местности. Ими самими или под их руководством были выполнены первые планы античных городищ Боспора, архитектурные обмеры погребальных сооружений — склепов и катакомб. Соотнесение сведений античных авторов о Причерноморье с данными эпиграфических и нумизматических источников, обнаруженных непосредственно в слое памятника, стало первым ориентиром для хронологических определений в классической археологии. Обратив внимание на эволюцию стандартов вещевого материала во времени, антикварию через

корреляцию отдельных вещей, прежде всего, монет и надписей, предприняли попытки разработать хронологию, этническую и типологическую классификацию погребальных комплексов Боспора. Антикварный подход к художественным произведениям античности стал предвестником целого направления в науке, развивающегося и в наши дни на стыке истории искусств и археологии, а именно — художественной археологии. Он же дал импульс первым разработкам в области иконографической (типологической) и стилистической классификации, а также изучению развития форм предметов, прежде всего античной керамики.

Французский эмигрант Поль Дюбрюкс практиковал оригинальную методику раскопок курганов — на снос до материка, составлял дневники своих работ, выполнял масштабные схемы, рисунки, чертежи и подробные текстовые описания открытых памятников. Наибольшую ценность для современной науки представляют планы и описания руин Восточного Крыма, составлявшиеся в 1820-1830-х гг. П. Дюбрюксом по просьбе великого князя Михаила Павловича, при содействии керчь-еникальского градоначальника И.А. Стемпковского (Дюбрюкс 1858). К фронтальному разведочному исследованию археологических остатков Восточного Крыма Дюбрюкс приступил с четко поставленной научной задачей и планом — собрать подробные сведения о недвижимых памятниках древности на европейском берегу Боспора Киммерийского. Используя планшет с буссолью для промера углов и веревку для определения расстояний, Дюбрюкс занимался снятием и уточнением каждого своего плана, возвращаясь на одно и то же место десятки раз, порой отстоящих от Керчи на расстоянии до 60 км. Этим исследованиям, проводившимся с необычайной тщательностью и кропотливостью, он посвятил 14 лет жизни и ими навечно воздвиг себе памятник в истории мировой археологии. Дюбрюкс обращал внимание на руины городов, поселений, крупные курганы

в связи с окружающим антропогенным и природным ландшафтом, т. е. параллельно изучал прилегающую территорию в русле землеописательных традиций XVIII в. Обследованные памятники были им описаны, промерены и нанесены на планы и карту. Графическую фиксацию объектов Дюбрюкс осуществлял сначала в черно-белых черновых набросках, а затем в точно выверенных красочных планах и рисунках, которые в течение 170 лет безуспешно пытались отыскать в архивах несколько поколений антиковедов. В 2000 г. в Государственном архиве Российской Федерации мне удалось обнаружить наиболее полную рукопись основополагающего труда Дюбрюкса с описанием руин Восточного Крыма, иллюстрированную цветными планами и картой, которые ранее считались утраченными. В Киеве была найдена черновая рукопись этого труда, а в Архиве Государственного Эрмитажа — авторские исправления и дополнения к ней и более точные планы. Ряд рукописей П. Дюбрюкса сохранился в архиве Института Франции (Академии надписей и изящной словесности) в Париже (Cavignet, Ramos, Schiltz 2000). В 2009 г. в Петербурге в издательском доме «Коло» выйдет из печати двухтомная книга «Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений», где осуществлена полная реконструкция и публикация на французском языке и в русском переводе всех текстов Дюбрюкса 1810-1830-х годов по архивным рукописям, хранящимся в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Париже, в сопровождении научных комментариев. С помощью описаний и планов Дюбрюкса современные исследователи смогут лучше понять и реконструировать исчезнувшие объекты античной эпохи, проследить конструктивно-планировочные особенности городищ Европейского Боспора, камень из которых веками растаскивался на строительство новых зданий. Задачи, поставленные еще в начале XIX в. Дюбрюксом и Стемповским в области археолого-топографического изучения античных городов и поселений Керченского полуострова, стали

актуальными для русской науки лишь с середины XX в.

Исследовательские задачи и методика полевых работ Д.В. Карейши и А.Б. Ашика, которым были поручены полевые исследования от имени и по поручению властей, сложились под влиянием определенного «социального» заказа — петербургское начальство требовало доставки в столицу все большего числа золотых вещей и высокохудожественных произведений античного ремесла, оставляя без внимания «бедные» находки, оседавшие в Керченском музее. Судя по дошедшим до нас рукописным полевым отчетам, основное внимание уделялось раскопкам могильников, по современным меркам носившим кладоискательский характер. Практиковались выборочные раскопки единичных курганов или групп (кустов) курганных насыпей в некрополях античных городов Крыма и Таманского полуострова. Раскопки одновременно проводились в разных местах, и зачастую начатые курганы бросались недоследованными. С 1831 г. раскопки траншеями как поселений, так и могильников оставались традиционными для русской классической археологии вплоть до рубежа XIX—XX вв. О методике, применявшейся в то время, сегодня принято говорить как о варварской, но мы должны помнить, что она выработывалась эмпирическим путем, учителей и наставников у первопроходцев не было. Подлинники рапортов о раскопках отправлялись в Петербург и изучались столичными экспертами — Е.Е. Кёлером, А.Н. Олениным, впоследствии хранителями Эрмитажа Ф.А. Жилем, Б.В. Кёне, Э.Г. фон Муральтом, Л.Э. Стефани. К сожалению, выработка специализированных методов полевых исследований археологических остатков не нашла отражения в специальных правилах проведения раскопок, необходимость составления которых А.Н. Оленин отмечал еще в 1833 г. Отчеты Ашика и Карейши зачастую иллюстрировались рисунками находок и очень редко планами, чертежами и разрезами погребальных сооружений. А.Б. Ашик, в

начале своей археологической практики не считавший нужным следовать советам Дюбрюкса, уже через два года после начала раскопок пришел к тому же выводу, что и предшественник, — курганы нужно копать не траншеями или минами, а сносить их полностью до материка, для датировки памятника и изучения особенностей погребального ритуала при вскрытии могил обязательно фиксировать положение погребального инвентаря. К сожалению, этому правилу раскопщик следовал далеко не всегда, т.к. из-за недостаточного финансирования и невозможности найма нужного числа рабочих крупные насыпи таким способом исследовать было практически невозможно.

А.Б. Ашика и Д.В. Карейшу зачастую представляют как одиозные фигуры, как безграмотных чиновников-карьеристов, думавших исключительно о крестах и наградах за находки и своими раскопками нанесших больше вреда, чем пользы, науке. На мой взгляд, только негативная оценка их деятельности во многом несправедлива и однобока — нельзя их фигуры представлять исключительно в черном цвете, так как по мере своих сил, способностей, знаний они работали над решением археологических задач, понимаемых ими с позиций своего времени и строго следуя требованиям петербургского начальства. Ашика и Карейшу обвиняли в злоупотреблении доверием правительства, отпускавшего крупные суммы на раскопки, в продаже древностей за границу с целью личного обогащения и т. д. Однако образ их жизни вплоть до середины 1840-х гг. опровергает подобные утверждения. Несмотря на ряд неблагоприятных поступков в конце их археологической деятельности, зафиксированных документально (история с находкой двух статуй в Керчи, связанная с отставкой Ашика в 1852 г., обвинения Карейши в казнокрадстве в последние годы археологических раскопок), многие тяжкие обвинения в их адрес несостоятельны. Они опровергаются сохранившимися в архивах документами, прежде всего иллюстрированными рапор-

тами Ашика и Карейши, которые в 1840-х годах поступали для изучения к начальнику I Отделения Эрмитажа Ф.А. Жилю. В 1848 г. последний вместе с Д.В. Карейшей изучал рапорты о раскопках 1830-1847 гг., сверяя их с подлинными вещами. «Я удостоверился, — писал Ф.А. Жиль, — что образ речи его, всегда простой, точный, основан на том, что он или сам видел, или в земле находил, и потому рапорты его о разысканиях керченских древностей, суть на моих глазах достоверные документы». В 1843-1844 гг. Ф.А. Жиль посетил большинство европейских музеев с античными собраниями и ни в одном из них не обнаружил «золотых вещей, которые... могли бы принадлежать Куль-Обскому или другим курганам окрестностей Керчи». Распространявшаяся секретарем Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевичем легенда о «магазине» древностей, откуда якобы представлялись находки в Эрмитаж, просто фантастична, так как помимо петербургских чиновников, полевые работы постоянно контролировали керченский градоначальник и администрация Новороссийской губернии, через которых осуществлялось их финансирование. Однотипные формы погребального инвентаря, в частности чернолаковой посуды, и неоднократно повторяющиеся сюжеты расписных ваз «керченского стиля» ставят под сомнение многие обвинения. К тому же учеными Эрмитажа так и не была составлена инструкция для раскопок на юге России, поэтому методический уровень работ Ашика и Карейши с позиций современной науки не выдерживает критики. Недооценка «официальными гробокопателями» топографической привязки к местности изученных памятников привела к тому, что многие первоклассные погребения, в частности ряд античных расписных склепов, впоследствии оказались затерянными. Однако в том же можно упрекнуть и последователей Ашика и Карейши — М.И. Бларамберга (сына И.П. Бларамберга), К.Р. Бегичева, А.Е. Люценко, К.К. Гёрца, В.Г. Тизенгаузена, И.Е. Забелина, Н.П. Кондакова,

Н.И. Веселовского и др. Отчеты о раскопках в Керчи в 1850-х гг., публиковавшиеся на страницах «Записок Одесского общества истории и древностей», хотя и содержат подневные записи работ, не дают точных указаний на место раскопок, что обесценивает их результаты.

Обвинения в бесполезности для науки полевых работ первой половины XIX в. в связи с несовершенством их методики, по моему мнению, безосновательны, так как они должным образом документированы. С современных позиций говорить о «правильности» подобных раскопок смысла не имеет, ведь по прошествии почти 150 лет любые полевые исследования выглядят методически слабыми. Истина, что «все исторично», достаточно банальна — методические приемы полевых археологических исследований совершенствуются постоянно, и практикуемые сегодня значительной частью археологов методы полевой работы уже кажутся анахронизмами. Дошедшие до нас все без исключения рукописные полевые отчеты (и иллюстрации к ним) первой половины XIX в. дают возможность современным исследователям провести ретроспективные реконструкции ряда археологических комплексов первостепенной важности (см., например: Виноградов 1997). По количеству рапортов о раскопках можно представить интенсивность и масштабность работ на Европейском и Азиатском Боспоре в 1830-1840-х гг. Несмотря на то что ежедневные дневники работ не велись, отчеты предоставлялись Ашиком и Карейшей, как правило, за каждый месяц, треть или половину года. Только к концу 1840-х гг. рапорты стали поступать реже, что послужило поводом для упреков со стороны петербургского начальства. Если первоначально антиквариаты сосредоточили свое внимание на раскопках некрополей Восточного Крыма — Пантикапея, Нимфея, Мирмекия, то со временем в сферу их интересов попал Таманский полуостров, где главны-

ми объектами раскопок стали крупные курганы, как правило, оказывавшиеся ограбленными еще в древности.

В начале XIX в. в русской литературной и общественно-политической периодике появились первые статьи с попытками дать определение археологии как науки, обозначить приоритеты и цели исследований антиквариев, определить место и задачи науки о древностях в структуре других гуманитарных дисциплин, вычленив основное содержание, которое вкладывалось в понятие «археология». В это время под влиянием западноевропейской литературы термин «археология» прочно вошел в русскую лексику. Археология расширенно трактовалась как наука о материальных (вещественных) объектах, связанных с человеческой деятельностью, включая как письменные источники (рукописи, эпиграфические памятники, монеты), так и произведения древнего искусства, архитектуры и быта. Объектом изучения археологии первоначально признавались только художественные памятники высокоразвитых цивилизаций Древнего Египта, Греции и Италии, а их эстетическо-созерцательное восприятие возводилось в абсолют. Подавляющее большинство антиквариев того времени не были свободны от неоклассицистических предубеждений и догматов. Как и в XVIII в. античные древности эпохи расцвета греческого искусства традиционно именовались антиками, другие категории памятников не считались достойными изучения. В Московском университете с 1809 г. курсы «археологии и истории изящных искусств» и «греческих и римских древностей» вели преподаватели — выходцы из Германии или русские ученые, стажировавшиеся в немецких вузах (И.Ф. Буле, М.Т. Каченовский, И.А. Гейм, М.Г. Гаврилов, Н.И. Надеждин). Разработанный А.Н. Олениным курс археологии, читавшийся воспитанникам Академии художеств, включал изучение памятников политической, военной, религиозной и бытовой истории, а также давал «понятия об обычаях, обрядах... и степени просве-

щения» древних народов. Он охватывал несколько хронологических периодов и тематических разделов: «первобытные» и «баснословные» времена, и «собственно древности, заключающиеся в преданиях и памятниках искусства древних».

Если говорить о результатах «кабинетных практик», то характерной особенностью подавляющего большинства исследований первой половины XIX в. является художественно-археологический (историко-искусствоведческий, эстетический) акцент в интерпретации и описании «антиков». Он прослеживается в трудах Е.Е. Кёлера, А.Н. Оленина, И.П. Бларамберга, А.Б. Ашика и др. Показательно, что к находкам из кургана Куль-Оба А.Н. Оленин подходил с точки зрения канонов классического искусства. Описывая бляху в виде фигуры лежащего оленя, выполненную в традициях скифского звериного стиля, «неверную», по его мнению, трактовку рогов и копыт он объяснял «неумением ваятеля». Гегемония художественной археологии оказала и определенное положительное влияние в виде совершенствования методов графической фиксации находок как в полевых, так и в кабинетных условиях, главным образом, при их публикации. При невозможности знакомства с подлинными артефактами рекомендовалось изучать их по «отливам и рисункам». К черчению планов и зарисовкам древностей стали привлекать профессиональных архитекторов и рисовальщиков. А.Н. Оленин был строг в требованиях к информативности и качеству археологических публикаций, которые должны были быть снабжены точными и четкими, без упущения малейших деталей, рисунками древностей. Он изобрел способ факсимильных изображений для чтения надписей и сформулировал четкие правила для выполнения археологических рисунков. Для первой трети XIX в., когда еще не существовало фотографии, предложенная Олениным методика способна была предоставить в распоряжение исследователей и широкой публики недоступный ранее археологический материал.

Согласно документам, в 1835 г. А.Н. Оленин предлагал создать общероссийский правительственный орган, ведавший археологическим и этнографическим изучением России. По его замыслу, Археологическая комиссия, Попечительный комитет или Главное управление изыскания древностей в России следует создать с целью «правильного... производства археологических поисков, для надлежащего и столь нужного для истории наблюдений нравов и обычаев народов, населяющих Россию; для систематического и осторожного производства работ при открытии древностей и для разрешения встречающихся недоумений по части археологической». Правда, территориально он предлагал ограничить ее деятельность только южными районами страны. По проекту А.Н. Оленина, попечительство должно было стать прежде всего научным учреждением, объединявшим лучших ученых Академии наук. Среди главных задач комиссии — разведка древностей в Крыму, на Кавказе и прилегающих землях; систематизация и описание памятников, их издание; выработка инструкции «для правильных поисков... по части археологической и исторической»; сосредоточение всех денежных средств, отпускаемых на раскопки; руководство и контроль за работой «исполнителей» на местах; представление полевых отчетов. Исследователям необходимо содействие художника для зарисовки древностей и составления планов, формовщика для снятия слепков с находок. Проект А.Н. Оленина, на два десятилетия опередивший время, в то время не встретил поддержки в правительственных кругах.

Содружество профессиональных ученых Петербургской Академии наук с любителями и коллекционерами антиков благотворно повлияло на развитие антиковедения XVIII в., однако оно оказалось недолгим и со второй четверти XIX в. сменилось ревнивым научным соперничеством. Именно тогда начали сосуществовать и конкурировать два научных центра — Петербургский и Новороссийский.

Показательным является отрицательное отношение А.Н. Оленина и Е.Е. Кёлера к работам П. Дюбрюкса, который энтузиазмом, научной добросовестностью, скрупулезностью и природной наблюдательностью компенсировал недостаток общего образования и специальных знаний в области античности. Современного специалиста могут лишь обескуражить отзывы столичных антиквариев на известную рукопись зачинателя керченской полевой археологии с описанием городищ и курганов Европейского Боспора. Напротив, не случайно внимание А.Н. Оленина к раскопкам могильников, проводившимся А.Б. Ашиком и Д.В. Карейшей, к ярким находкам в курганах Европейского Боспора и полное равнодушие к деятельности П. Дюбрюкса, главным образом, занимавшегося изучением археологических остатков поселений.

Историю контактов ученых Петербурга в лице Е.Е. Кёлера с И.А. Стемпковским, И.П. Бларамбергом, П.И. Кёппеном можно условно разделить на два этапа, рубежом которых стали 1822-1823 гг. — тогда в Париже и Вене дилетанты опубликовали свои первые авторские труды научного характера. П.И. Кёппен издал работу о причерноморских древностях, а год спустя он предоставил А. Бёку свои копии причерноморских надписей. Петербургский академик Кёлер не смог простить дилетантам вторжения в монополизированную им область научного знания: его строгие рецензии (Koehler 1823a,b) обличали неизбежные ошибки в трудах оппонентов. Они дополнялись игнорированием исследований провинциалов и приписыванием себе приоритета первого издания неизвестных ранее памятников. Порой академик не принимал артефакты такими, какими они есть: многие его исторические построения опираются на насильственно истолкованные источники в угоду собственным концепциям ученого. Во многом благодаря психологическому складу Кёлера, взаимоотношения между представителями академической науки и провинциальными антиквариями в конечном счете не сложились.

Уже в 1824 г. И.А. Стемпковский публично встал на защиту своих единомышленников, пытаясь доказать важность и значимость международных контактов для отечественной науки. Однако после серии резких рецензий Е.Е. Кёлера издательская активность провинциальных антиквариев резко упала. Большинство созданных ими исследований 1820 - начала 1830-х гг. остались неизданными, хотя их публикация существенно бы обогатила науку. Среди них — труд П.И. Кёппена «Ольвия, древний город на реке Буге»; монографическое исследование И.А. Стемпковского по истории Боспора, основанное на критическом анализе всех известных на то время письменных, нумизматических, эпиграфических и археологических источников (рукопись была направлена автором в Парижскую Академию надписей), и целая серия статей И.П. Бларамберга по различным археологическим вопросам. П.И. Кёппен, обвиненный в научной неосновательности, оставил археологические штудии и переключился на занятия статистикой, этнографией и географией России, хотя интересовался древностями до последних дней жизни. В результате Одесский археологический кружок фактически потерял связь с Петербургской АН, а его члены предпочитали отправлять свои исследования и материалы о новых находках не в Петербург, а в Париж, Вену и Берлин, где ученые оказались более благожелательны к представителям русской провинциальной науки. Кёлер, в отличие от своего коллеги по Академии наук ориенталиста Х.Д. Френа, не смог привить свою науку на русской почве — он не имел учеников и не оставил школы. Его кафедра в Петербургской Академии наук оставалась вакантной 12 лет, вплоть до 1850 г., когда ее занял другой выходец из Германии, академик Л.Э. Стефани.

При оценке деятельности провинциалов из Одессы и Керчи сложился своего рода историографический стереотип — как правило, подчеркивается ее непрофессиональный, дилетантский характер

(недостаточный уровень научной подготовки и знания классических языков, небрежность при проведении раскопок и т. п.), а не заслуги археологов-любителей перед наукой о древностях как первооткрывателей ряда ее направлений. С позиций современного антиковедения гораздо большее значение имеют кропотливые натурные исследования дилетантов (материалы их раскопок, описания и планы архитектурно-археологических остатков античного времени), нежели труды академика Е.Е. Кёлера, стоявшие на высоте современного ему знания, но сегодня вызывающие лишь чисто историографический интерес. Известный науковедческий постулат о том, что на начальных этапах развития науки дилетантизм играет немаловажную роль, но его эффективность резко падает на уровне развитой, расчлененной науки, при анализе ситуации, сложившейся в русской науке о древностях в первой трети XIX в., полностью себя оправдывает.

На втором этапе развития северопрichernоморского антиковедения происходит вычленение науки о древностях из комплекса других дисциплин, формируются местные научные центры в северной столице империи и Новороссии, создаются первые музеи на юге России, начинаются раскопки с научными целями. Именно в первой трети XIX в. формируется осознанный научный интерес к античным памятникам Северного Причерноморья. Пионеры классической археологии сумели на русской почве привить интерес к классической древности, выработали методику проведения исследований и определили на перспективу приоритетные задачи полевой и кабинетной работы.

Следующий, третий этап становления русской науки о классических древностях юга России (1839-1859) в основных чертах завершил ее организационное оформление. Он характеризуется приходом в науку нового поколения исследователей, понявших важность объединения своих усилий для сбора, изучения и охраны древностей. П.И. Кёппен,

ставший к тому времени действительным членом Академии наук, пытался привлечь внимание ученых на вопиющее бессилие современной ему науки в деле изучения древних некрополей. Он призывал начать археологическое изучение курганов Новороссийского края для определения их этноисторической принадлежности и предлагал составить особое собрание «могильных вещей», а также издать рисунки древностей, находящихся в академических музеях. В 1843 г. П.И. Кёппен подал специальную записку в Академию наук, где предложил принять экстренные меры к охране уцелевших археологических памятников, в частности, «стоящих на могилах (курганах) каменных баб». Подобно ученым предшествующего века Просвещения, Кёппен рассматривал курганы как памятники надгробной архитектуры, как неотъемлемую часть природного и антропогенного ландшафта, варварски разрушаемого современным человеком. Попытки натуралиста академика К.М. Бэра в середине столетия контаминировать гуманитарное знание с естественнонаучным в то время не нашли должного отклика среди русских историков. Бэр пытался внедрить антропологический подход к изучению культуры и этноса независимо от исторической эпохи, привить на русской почве «систему трех веков» (1836), изложенную им в предисловии к русскому переводу книги И.Я. Ворсо «Северные древности королевского музея в Копенгагене» (1861). Большинство специалистов были отвергнуты и гипотезы самого Бэра в области исторической географии Причерноморья античной эпохи.

В 1850 г. академическую кафедру греческих и римских древностей занял хранитель Отделения классических древностей Эрмитажа Л.Э. Стефани. Главный музей столицы, — Эрмитаж, — открытый для публичного обозрения (1852), превратился в богатейший археологический музей Российской империи, во многом благодаря передаче в него коллекций из других собраний, в частности, из музеев Академии наук и провинциальных музеев древ-

ностей Новороссии. Эрмитаж интенсивно пополнялся причерноморскими памятниками из раскопок Ольвии, на Таманском полуострове, в Восточном Крыму, Херсонесе, в Нижнем Подонье и др. В музее работали Ф.А. Жиль, Б.В. Кёне, Э.Г. фон-Муральт, ставшие активными сотрудниками созданного в 1846 г. Петербургского археолого-нумизматического общества (с 1851 г. и по уставу 1866 г. — Императорское Русское археологическое общество). С момента своего открытия общество получило характер кастово-замкнутого находившегося под покровительством Императорского Двора аристократического объединения, куда входили, в основном, коллекционеры-нумизматы и сановные любители древностей, немногие ученые Академии наук, служащие Эрмитажа и Публичной библиотеки, большей частью иностранцы на русской службе (Я.Я. Рейхель, П. Сабатье и др.). Реорганизация общества в 1851 г. привела к уходу из него многих иностранных специалистов и, в конечном итоге, к снижению научного уровня исследований в области антиковедения, так как основное внимание РАО стало уделять изучению славяно-русских и восточных древностей.

Памятники юга России заинтересовали членов Общества истории и древностей российских при Московском университете В.В. Пассека и Г.И. Спасского. Однако основной круг интересов МОИДР, как и в первой трети XIX в., не изменился, и изучение классических древностей, в отличие от русских и славянских, всегда оставалось второстепенной, если не третьестепенной его задачей. В 1843 г. в Киеве была открыта Временная комиссия для разбора древних актов при киевском генерал-губернаторе, сотрудничавшая с профессурой местного университета Св. Владимира. Члены комиссии занялись археологическим изучением не только славяно-русских древностей древней столицы Руси, но и раскопками курганов Юго-Западного края, в том числе скифских.

В 1839 г. под патронажем генерал-губернатора Новороссии М.С. Во-

ронцова было основано Одесское общество истории и древностей (ООИД, существовало до 1922 г.), внесшее большой вклад в изучение древностей юга России. Его членами являлись А.С. Стурдза, Д.М. Княжевич, А.Я. Фабр, М.М. Кирьяков, Н.Н. Мурзакевич, Н.И. Надеждин, В.В. Григорьев, Э.В. Тетбу де Мариньи, З.С. Херхеулидзе, А.Б. Ашик, Д.В. Карейша, А.Ф. Панагиодор-Никовул, М.Г. Палеолог, Ф.К. Брун, П.В. Беккер и др. В 1840 г. ООИД удалось добиться выделения 5 тыс. руб. ассигнациями в год на «пособие» от казны и права производства археологических исследований на всей территории Южной России, причем на государственных землях — с разрешения местного начальства, на частных — с согласия владельцев. Программа исследований Одесского общества включала распространение исторических и археологических знаний о Южной России путем сбора, описания и хранения древностей Новороссии, а также критическое изучение письменной традиции о Северном Причерноморье. Помимо археологических исследований, общество занималось и чисто историческими, археографическими, географическими, этнографическими, статистическими изысканиями. Одесское общество проводило большую работу по охране памятников Новороссии. Оно предприняло целенаправленные попытки координации деятельности всех южнорусских музеев. Параллельно происходили процессы их специализации: собрания комплексного характера постепенно отмирают, а их археологические разделы вливаются в более крупные музейные коллекции. ООИД стало достойным преемником Одесского археологического кружка. За 50 лет усилиями нескольких поколений исследователей в Одессе был создан крупный научный центр антиковедения, а также первоклассное собрание античных памятников.

Историко-археологические общества как новая для страны форма организации науки стали своеобразными методическими центрами, инициировавшими разра-

ботку проблем классических древностей юга России. Несмотря на отсутствие твердой материальной базы и оплачиваемого штата сотрудников, общества выработали собственные научные программы, сумели организовать исследования в области причерноморских древностей, заслушать, обсудить и издать научные труды в собственных периодических изданиях или в качестве отдельных монографий, которые стали первыми обобщающими книгами об античных древностях Боспора, Херсонеса, Ольвии, а также всего Северного Причерноморья. Общества организовали ряд научных экспедиций, начали сбор коллекций античных памятников, создали собственные музеи и библиотеки, широко практиковали обмен научной литературой и «дублетными» древностями с другими учреждениями, наладили научные контакты учеными-коллегами в России и за рубежом.

Хотя Одесское общество истории и древностей имело право производства раскопок по всему югу России, из-за нехватки средств его полевая деятельность оставалась ограниченной. С целью проведения раскопок в общество привлекались новые действительные члены и члены-корреспонденты, зачастую проводившие работы на собственный счет. Обществом были проведены исследования в Феодосии (1852-1853, Е.Ф. де Вильнев, И. Карамурза, И.К. Айвазовский), Керчи (1843-1844, М.А. Кологривов, М.И. Бларамберг) и др. Несмотря на утверждение первых в отечественной науке инструкций для проведения раскопок, — «Правил для разрытия курганов» (1843) и «Наставлений, как надлежит поступать при открытии древностей» (1851), — на практике основные их положения не находили должного применения. Так, опубликованная секретарем общества Н.Н. Мурзакевичем (1806-1883) в «Записках ООИД» информация о собственных работах на о-ве Левке (Фидониси, 1841) и в Ольвии (1846) ни в коей мере, даже по меркам того времени, не может рассматриваться как полноценный полевой отчет. Показательно настой-

чивое стремление Мурзакевича получить «дублеты» памятников, пополнявших в основном Эрмитаж и Керченский музей. Мысль о том, что таким образом разъединятся находки из археологических комплексов, большинству антиквариев даже не приходила в голову — такая практика в то время была общепринятой.

Методические приемы полевой работы, выработанные в 1810-1820-х гг. П. Дюбрюксом, к началу 1830-х гг. были забыты, и научный уровень раскопок и разведок существенно снизился. Раскопки античных поселений не могли дать столько эффективных находок, как раскопки курганов. В 1830-1850-х гг. основное направление исследований отклонилось от главных задач, поставленных И.А. Стемпковским, и наметившаяся в первой четверти XIX в. гармония в изучении всех групп памятников в более позднее время закреплена не была. К пониманию необходимости планомерных раскопок античных городищ и некрополей русская наука пришла только в первой четверти XX в. Тем не менее, материалы раскопок тех лет играют огромную роль в современных научных исследованиях, поскольку исследователями XIX в. была собрана значительная и уникальная часть курганных коллекций античной эпохи, хранящихся в музеях России и Украины.

Необходимость более совершенной организации археологической деятельности, упрочения материальной базы и расширения числа ученых для изучения материальных остатков прошлого осознавалась и в правительственных кругах. К концу 1840-х гг. в стране были созданы предпосылки для формирования археологической службы, финансировавшейся за счет казны. Сначала при МВД в 1850 г. была создана Комиссия для исследования древностей под руководством графа Л.А. Перовского (с 1852 г. в структуре Министерства уделов), в 1856 г. при Министерстве Императорского двора — Строгановская комиссия, преобразованная в 1859 г. в Императорскую Археологическую комиссию. Граф

Л.А. Перовский (1792-1856) сумел создать небольшой коллектив сотрудников из 11 человек, занимавшихся исследованием древностей. Комиссия Перовского выработала программу систематического археологического изучения юга России, в том числе скифских курганов Приднепровья, провела масштабные археологические раскопки в различных пунктах Северного Причерноморья: А.С. Уваровым — в Ольвии, Неаполе Скифском и в Херсонесе, П.М. Леонтьевым — в Нижнем Подонье (1853). Вместе с членами ООИД Е.Ф. де Вильневым, И.К. Айвазовским и И. Карамурзой князь А.А. Сибирский провел раскопки в Феодосии (1852-1853, 1856), а затем на некрополе Горгиппии (1852, 1859). Итоговым документом всех археологических работ в России должен был стать представляемый императору сводный ежегодный отчет (к сожалению, изданный лишь однажды — за 1853 г.), где содержались извлечения из отчетов о раскопках, а также данные о древностях, приобретенных у населения и найденных в ходе полевых исследований. Л.А. Перовский административными методами стремился упорядочить раскопки и жестко регламентировать их методику. В обязательном порядке археологам предписывалось вести поленные записи работ, съемку планов, изготовление рисунков находок, составление подробных полевых отчетов. В ходе многолетних полевых исследований античных памятников близ Керчи были выработаны многие правила и приемы раскопок, применявшиеся в других регионах Причерноморья.

Императорская Археологическая комиссия (основана в 1859 г.), объединявшая квалифицированных штатных специалистов (председатель и три члена), почетных членов и членов-корреспондентов по всей стране, стала общегосударственным центром, координирующим археологические исследования. В ее задачи входили: организация и проведение раскопок на всей территории России, собирание сведений о памятниках, «ученая разработка и оценка» найденных древностей. Положением

1859 г. комиссии было предоставлено право контроля за всеми «другими попытками» раскопок, причем все добываемые частными лицами древности должны были, по возможности, представляться через местное начальство на рассмотрение комиссии. Ей был подчинен Керченский музей древностей и Римская комиссия археологических разысканий. В ведении комиссии находились охрана, учет, научная экспертиза и систематизация древностей, кабинетные исследования и публикации памятников. В Археологическую комиссию должны были поступать все находки, сделанные на казенных и общественных землях, которые затем распределялись в Эрмитаж и другие музейные хранилища.

Систематизация и обобщение всего известного науке материала, накопленного в ходе раскопок с конца XVIII в., стали ярким показателем третьего этапа становления классической археологии. Замечательные открытия в Восточном Крыму и на Таманском полуострове стимулировали издание целой серии отдельных монографий по истории и археологии Боспорского царства. В отличие от предыдущего этапа, когда издавались практически только надписи и монеты, с работы Ашика о расписной пантикапейской катакомбе (Ашик 1845) началась публикация собственно археологического материала, главным образом произведений античного искусства. В журналах Министерства внутренних дел и Министерства народного просвещения, в «Записках» Одесского общества, общественно-политической и литературной периодике стала регулярно появляться подробная информация о раскопках в Новороссийском крае. А.Б. Ашик занялся научной обработкой результатов своих работ в Керчи и на Таманском полуострове, обобщенных в трехтомном труде «Боспорское царство» (Ашик 1848-1849). Несмотря на несовершенство его сочинений, потомки должны отдать должное Ашику за его усилия в области популяризации античных древностей Причерноморья, за вполне понятное стремление сократить разрыв во времени между архе-

ологическим открытием и его введением в научный оборот. Стоит напомнить, что книгами керченского антиквара ученые пользуются до сих пор как первоисточником (хотя во многом несовершенным) сведений о многих раскопанных в то время памятниках. Современник Ашика профессор Московского университета П.М. Леонтьев призывал к снисхождению в оценке трудов керченского археолога: «Мы благодарим за то, что нам дают, и не требуем достоинств, невозможных в данном случае; благодарим же за сообщаемое тем более, что знаем, насколько больше заслуги в труде, совершаемом без необходимо нужных условий, перед обладанием познаниями, приобретенными без особенных усилий при правильном классическом образовании» (Леонтьев 1851: 96).

Эпохальным событием в истории русского антиковедения, подведшим своеобразную черту под многолетними изысканиями на территории Боспора, стал выход в свет сводного трехтомного труда с параллельным текстом на русском и французском языках «Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа / Antiquités du Bosphore Cimmérien conservées au musée impérial de l'Ermitage» (СПб., 1854). Текст книги составлен Ф.А. Жилем (1801-1864) и Л.Э. Стефани (1816-1887) на основании извлечений из рукописей П. Дюбрюкса, полевых отчетов А.Б. Ашика, Д.В. Карейши, М.И. Бларамберга, К.Р. Бегичева, и в результате непосредственного изучения памятников, украсивших столичный музей. В роскошном атласе помещены таблицы литографий, выполненные с карандашных и акварельных рисунков находок. В тексте Л.Э. Стефани к таблицам артефакты классифицированы не по типам вещей, не по археологическим комплексам, которые вполне поддаются выделению по рукописным отчетам керченских археологов, а по материалу, из которого выполнен погребальный инвентарь (золото, серебро, бронза, керамика и т.п.). По справедливому заключению М.И. Ростовцева, все исследования Стефани носили преимуще-

ственно антикварный характер с уклоном в сторону мифологических и историко-религиозных штудий (Ростовцев 1993: 31-32). При анализе находок в то время традиционно ставилась художественная и историческая, а не собственно археологическая интерпретация памятника. Эти «родимые пятна» антикваризма, главным образом в среде музейных хранителей, в полной мере не изжиты до настоящего времени, причем не только в России, но и во всем мире — классическая археология в западноевропейской и американской науке XX в. зачастую рассматривалась как часть *Kunstgeschichte*. Показательно, что Стефани мало интересовали «варварские» (скифо-сарматские) древности, к которым он подходил с точки зрения канонов греческого искусства. Главное внимание академик посвящал произведениям эпохи классики в ущерб архаическим, эллинистическим и римским памятникам. Однако именно труды Л.Э. Стефани положили основу научной классификации, датировки и интерпретации шедевров античного искусства, найденных в Северном Причерноморье. Работы петербургского ученого стояли в одном ряду с исследованиями его западноевропейских коллег и соответствовали уровню мирового антиковедения середины XIX в.

Таким образом, третий этап становления классической археологии (1839-1859) характеризуется организационным становлением науки о древностях как части отечественного антиковедения в виде системы государственных и общественных научных организаций; усилением специализации музеев; проведением систематических исследований античных памятников Причерноморья и появлением серии первых обобщающих монографий о древностях юга России. К середине XIX в. в России была создана организационная структура классической археологии в виде археологических обществ и специальной правительственной комиссии, которые, наряду со столичными и провинциальными музеями, функционировали практически в неизменном виде вплоть до 1919 г.

Заключение. Выдающиеся археологические открытия на юге России в конце XVIII – середине XIX в. послужили толчком к всестороннему развитию русской науки об античности. Именно в этот период произошло организационное оформление русского антиковедения, были определены стратегические цели и тактические задачи развития науки, структурно оформились основные ее разделы — археология, эпиграфика, нумизматика. Формирование науки о древностях в России началось лишь в XVIII в., намного позднее, чем в Европе. Однако эта наука сумела сформироваться и пройти те же этапы развития и «болезни роста» периода антикваризма ускоренными темпами, всего за полтора века — с петровских времен вплоть до отмены крепостного права (1861). За полтора века в России была создана систематическая и непрерывная культурная традиция в области изучения античности, внесшая существенный вклад в мировое антиковедение открытием неповторимой, яркой и своеобразной материальной культуры древней контактной зоны между греческими городами-колониями Северного Причерноморья и окружавшими их варварскими племенами. Зародившись как деятельность увлеченных древностью дилетантов, русская наука о классических древностях стала своего рода «испытательным полигоном» структурообразующих характеристик антиковедения, сферой подготовки первых профессионалов, объединенных специализированными научными центрами.

К середине XIX в. отдельные ученые пришли к пониманию приоритетности археологических данных перед кабинетным толкованием отрывочных и противоречивых письменных свидетельств о северном берегу Понта. «Не с книгою, не с древним писателем в руках надо изучать эти страны, а раскапывая места, уже определенные, мы подтвердим или опровергнем наши предположения», — писал А.С. Уваров (Уваров 1856: 139). Антикварии той эпохи осознали, что раскопки, открывающие не только собственно

археологические, но и эпиграфические и нумизматические памятники, служат пополнению источниковой базы исторической науки и увеличивают познавательные возможности других видов источников — служат критерием достоверности античных письменных свидетельств, дополняют информацию и взаимно датируются с эпиграфическими и нумизматическими источниками. Закономерно, что в этот период археологическое знание оказалось слабо дифференцированным от исторического. Памятники археологии были призваны дополнять и иллюстрировать, главным образом, политическую историю античных государств Северного Причерноморья.

Найденные в ходе нашего исследования архивные документы (в том числе карты, планы, чертежи архитектурно-археологических остатков, рисунки артефактов) отражают состояние памятников на момент их первоначальной фиксации и имеют большую источниковедческую ценность для современного антиковедения. Эти материалы с очевидностью показывают важность использования архивных документов при обращении к памятникам, давно известным по литературе, так как многие важнейшие (по меркам современной науки) открытия были сделаны на заре русской науки. Большое значение имеют копии и рисунки эпиграфических и нумизматических памятников. Они являются документами первостепенной важности и требуют сверки с опубликованными корпусами (сводами) надписей и монет, так как часть надписей издана с отличиями с точки зрения сохранности текста и неверными сведениями о местах находок. Обнаруженные в архивах списки и рисунки монет позволяют уточнить хронологию отдельных комплексов, дают новый материал о географическом и хронологическом диапазоне связей античного Причерноморья с другими регионами античной Ойкумены. Несмотря на печальное состояние или даже гибель многих археологических, эпиграфических, нумизматических объектов в наши дни, из

архивных материалов можно извлечь принципиально важную информацию — они снимают нерешенные до сих пор вопросы и одновременно ставят новые, раскрывая дальнейшие перспективы ретроспективных реконструкций памятников, ставших известными в прошлых столетиях.

В изучении научного наследия русского антиковедения еще немало белых пятен. Современным археологам необходимо осознание того, что всякий разрыв преемственности в исследовательской традиции пагубен. Пренебрежение к собственной истории ведет к катастрофическим для науки последствиям. Достижения, гипотезы, идеи, заблуждения и ошибки пионеров антиковедения так или иначе сказывались на работах последующих поколений ученых. К концу XIX — началу XX столетия, с развитием национальной историко-филологической школы, наука о классических древностях Северного Причерноморья превратилась в значительный отдел окончательно «обрусевшего» отечественного антиковедения, полнокровно синтезировавшего достижения русской и западноевропейской классической филологии, античной истории, археологии, эпиграфики, нумизматики, истории искусств. Трудом нескольких поколений специалистов оно добилось небывалого расцвета. И если об ученых «золотого века» русской науки о древ-

ностях (В.В. Латышев, М.И. Ростовцев, Ю.А. Кулаковский, Б.В. Фармаковский, С.А. Жебелёв и др.) мы знаем достаточно, то деятельность тех, кто подготовил этот расцвет научной мысли, не обобщена и не осмыслена в полной мере.

Показательно, что в начале XX в. М.И. Ростовцевым были востребованы идеи, провозглашенные И.А. Стемпковским в первой исследовательской программе русской науки о классических древностях Северного Причерноморья (1823). В ряде работ академика дается высокая оценка исследований антиквариев первой трети XIX в., сумевших правильно понять главные задачи научного изучения античных памятников Причерноморья. По сути, программа И.А. Стемпковского — М.И. Ростовцева носит исчерпывающий характер и сегодня. Главные из задач — создание фундаментальных сводных корпусов всех видов источников (письменных, эпиграфических, нумизматических, археологических — «Corpus nummorum Russiae meridionalis», «Corpus tumulorum Russiae meridionalis» и др.) (Ростовцев 1993: 28-32) — почти двести лет спустя остаются решенными лишь наполовину. Трагедия русской науки состоит в том, что ее поступательное развитие было насильственно прервано историческими катаклизмами XX в.

Ашик А.Б. 1845. Керченские древности: О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса.

Ашик А.Б. 1848-1849. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч.1-3. Одесса

Блаватский В.Д. 1953. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Виноградов Ю.А. 1997. О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // *Stratum plus*. ПАВ. СПб.; Кишинев.

Дюбрюкс П. 1858. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // *ЗООИД*. Т.4. Отд.1.

Кёппен П.И. 1837. Крымский сборник: О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.

- Леонтьев П.М. 1851.** Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // Прописки: Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. М. Кн. 1. Отд. 2.
- Ростовцев М.И. 1993.** Классические и скифские древности северного побережья Черного моря // ПАВ. №5.
- Стемпковский И.А. 1827.** Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. Ч. 29. Кн. 81.
- Тункина И.В. 2002.** Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.
- Тункина И.В. 2003.** Забытый исследователь древностей Боспора конца XVIII в. — Ф.К. Биберштейн // Scripta Gregoriana: Древние цивилизации и мировая культура (к 70-летию академика Григория Максимовича Бонгард-Левина). М.
- Тункина И.В. 2006.** Сокровища Литого кургана и академик Г.Ф. Миллер // Вестник древней истории. 2006. № 3.
- Уваров А.С. 1853-1856.** Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб. Ч. 1-2.
- Щеглов А.Н., Тункина И.В. 1996.** Из истории изучения античного культурного ландшафта в Крыму (конец XVIII – первая половина XX вв.) // Традиции российской археологии: Мат-лы методологического семинара Ин-та истории материальной культуры РАН. СПб.
- Antiquités du Bosphore Cimmérien conservées au musée impérial de l'Ermitage 1854.** SPb. Vol. 1-3.
- Blaramberg J. 1822a.** Choix des médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie du cabinet de Blaramberg à Odessa. Paris.
- Blaramberg J. 1822b.** Notices sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un Tumulus, près du site de l'ancienne Panticapée. Paris.
- Dubois de Montpéreux F. 1839-1843a.** Voyage autour de Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée, 1-6. Paris.
- Dubois de Montpéreux F. 1843b.** Voyage au Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Atlas. Neuchatel-Paris.
- Gavignet J.P., Ramos E., Schiltz V. 2000.** Paul Du Brux, Koul-Oba et les Scythes: presence de Paul Du Brux dans les archives françaises // Journal des savants. № 2 (Juillet-Décembre).
- Koehler H.K.E. 1805.** Dissertation sur le monument de la reine Comosarye. SPb.
- Koehler H.K.E. 1822.** Zwei Aufschriften der Stadt Olbia. SPb.
- Koehler H.K.E. 1823a.** Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités Greques du Bosphore Cimmérien // Serapis. SPb. T.I.
- Koehler 1823b.** Beurtheilung einer Schrift: Alterthuemer am Nordgestade des Pontus // Serapis. SPb. T.II.
- Koehler, H.K.E. 1826.** Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, 6 sér. T. 10.
- Koeppen P. 1823a.** Alterthuemer am Nordgestade des Pontus. Wien.
- Koeppen P. 1823b.** Olbisches Psephisma zu Ehren des Protogenes. Wien.
- Tunkina I. 2003.** The Formation of a Russian Science of Classical Antiquities of Southern Russia in the 18th and early 19th century // The Cauldron of Ariantas: Studies presented to A.N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday. Black Sea Studies. Vol. 1. Aarhus.
- Tunkina I. 2006.** Archivmaterialien aus dem ersten Drittel des 19. Jhs. über das Achilleus-Heilig-

tum auf der Landzunge von Tendra // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum von Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit: Beiträge zur Akkulturationsforschung. Internationale Archäologie. Bd. 94. Rahden/Westf.

- Tunkina I. 2007.** New Data on the Panhellenic Achilles Sanctuary on the Tendra Spit (Excavation of 1824) // Une *koinè* pontique. Cités grecques, société indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a. C. – IIIe s. p. C.). Ausonius Éditions. Mémoires 18. Bordeaux.

SUMMARY

The paper studies initial stages of Russian Scholarship of Classical Antiquities of Southern Russia (18th to mid-19th Century), beginning with cultural reforms (1724) of Peter the Great and ending with the foundation of the Archaeological Commission in St. Petersburg (1859), when a centralized network came to regulate excavation throughout the Russian Empire. It provides a detailed account of the early history of the institutions (St. Petersburg Imperial Academy of Sciences, antiquarian societies and museums in Odessa, Nikolaev, Kerch, Moscow, St Petersburg etc.), private and state collections and individuals, from the foreign travelers and academicians to the dilettanti, which were involved in 'invisible colleges' (Odessa and Kerch). Some early surveys, discoveries and excavations on the Northern Black Sea Region were examined, etc.

